

ОСНОВАНИЕ
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКАГО
ИНСТИТУТА И ПЕРВОЕ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ
ЕГО СУЩЕСТВОВАНІЯ

С.-Петербургскій Политехническій Институтъ былъ основанъ по инициативѣ министра финансовъ Сергѣя Юльевича Витте, при дѣятельномъ участіи директора департамента торговли и промышленности Владиміра Ивановича Ковалевскаго и нашего знаменитаго ученаго Дмитрія Ивановича Менделѣева.

Въ концѣ XIX вѣка народное хозяйство Россіи стало развиваться съ необычайной быстротой, поражая иностранныя государства своими американскими темпами развитія и вызывая среди нихъ извѣстное чувство зависти и недоброжелательства. Такой экономической расцвѣтъ Россіи тѣмъ болѣе поражалъ иностранцевъ, что они считали, что Россія при «реакціонномъ» самодержавномъ образѣ правленія должна была быть обречена на хозяйственный застой и прозябаніе. Экономическая наука и государственная экономическая политика все еще находились тогда подъ вліяніемъ классической школы политической экономіи, и многія государства слѣдовали примѣру экономической политики Англіи, особенно энергично осуществлявшей принципы либеральнаго капитализма.

Экономическіе успѣхи Россіи въ концѣ XIX вѣка были далеко не стихійнымъ развитіемъ народнаго хозяйства. Правительственная экономическая политика, начатая Вышнеградскимъ и особенно энергично, умѣло и смѣло проводимая Витте, была направлена на усиленное развитіе желѣзнодорожнаго строительства (при-

остановленное послѣ турецкой войны), а въ связи съ этимъ, и на развитіе добывающей и обрабатывающей промышленности. Если въ Англіи, Франціи и С. Ш. Америки желѣзныя дороги строились исключительно на средства частныхъ компаній, то въ Россіи желѣзнодорожное строительство производилось въ значительной степени по инициативѣ и на средства правительства. Если государственные банки за границей воздерживались отъ активнаго участія въ экономическомъ строительствѣ страны, то русскій Государственный банкъ широко помогать учрежденію новыхъ промышленныхъ частныхъ предпріятій. Введеніе въ Россію золотого обращенія вызвало большой приливъ иностранныхъ капиталовъ въ горную, металлообрабатывающую, машиностроительную промышленность, а также и въ другія отрасли народнаго хозяйства. Введеніе винной монополіи укрѣпило государственные финансы. Наконецъ, благодаря мѣрамъ расширенія вывоза сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, энергично проводимой переселенческой политикѣ, развитію покупокъ крестьянами земли черезъ «Крестьянскій банкъ» и благодаря многимъ другимъ правительственнымъ мѣрамъ, сельское хозяйство Россіи вступало также на путь процвѣтанія.

Широкое участіе государства въ развитіи народнаго хозяйства Россіи требовало созданія новыхъ кадровъ научно подготовленныхъ работниковъ, которые могли бы излучшимъ образомъ осуществлять государственную экономическую политику, а также руководить частными предпріятіями.

Существовавшіе университеты не могли удовлетворить потребности въ кадрѣхъ экономистовъ-спеціалистовъ, а потому Витте рѣшилъ учредить новый Институтъ.

«Вотъ какъ рассказываетъ Витте въ своихъ «Воспоминаніяхъ» (томъ I, стр. 230-232) объ учрежденіи Политехническаго Института:

«Развивъ съѣ коммерческаго образованія въ Россіи, у меня явилась мысль устроить высшія заведенія,

коммерческие и технические университеты, в России, вь формь политехнических институтов, которые содержали бы вь себь различныя отдьленія человьческихъ знаній, но имьли бы организацію не техническихъ школъ, а университетовъ, т. е. такую организацію, которая наиболъе способна была бы разивать молодыхъ людей, давать имь общечеловьческія знанія, вслѣдствіе соприкосновения съ товарищами, занимающими всевозможными спеціальностями.

Мною былъ созданъ, при помощи моихъ сотрудниковъ, уставъ С.-Петербургскаго Политехническаго Института, который нынѣ составляетъ одно изъ главныхъ высшихъ учебныхъ заведеній Петербурга. Этотъ уставъ былъ проведенъ не безъ затрудненій черезъ Государственный Совѣтъ...

Я относился къ этому дѣлу съ полнымъ увлеченіемъ; вслѣдствіе этого мнѣ удалось устроить политехнической институтъ въ смыслѣ помьщения — прекрасно. Будучи министромъ финансовъ, мнѣ было, конечно, легче, чѣмъ другимъ министрамъ, имѣть средства на устройство этого Института.

Долженъ сказать, что устройство этого Института было мною осуществлено не безъ различныхъ затрудненій, и только благодаря моему вліянію, которымъ я въ это время пользовался, какъ у Его Величества, такъ и въ Государственномъ Совѣтѣ, мнѣ удалось провести это великолѣпное учрежденіе.

Явился вопросъ: кого назначить директоромъ этого Института. Нужно было назначить человька, который не возбуждалъ бы въ высшихъ сферахъ какихъ-либо сомнѣній, ибо, какъ я уже сказалъ, я встрѣчалъ затрудненія въ организаціи и устройствѣ этого Института не только въ смыслѣ денежныхъ затратъ, ибо мнѣ указывали, что когда я задумую что-нибудь такое сдѣлать, то нахожу деньги, а когда другіе просятъ у меня деньги на свои потребности, я скуплюсь; но, кромѣ того, я встрѣчалъ затрудненія и политическія: мнѣ указывали, что я устраиваю такое заведеніе, которое впо-

слѣдствіи можетъ внести смуту; говорили: развѣ мало у насъ университетовъ, и съ университетскими студентами мы не можемъ справиться, постоянные безпорядки, а тутъ Витте подъ носомъ желаетъ устроить еще новый громаднѣйшій университетъ, который будетъ новымъ источникомъ всякихъ безпорядковъ.

При такихъ условіяхъ мнѣ приходилось выбирать директора Института, относительно котораго не встрѣчалось бы сомнѣній. Я остановился на князѣ Гагаринѣ.

Кн. Гагаринъ — артиллерійскій офицеръ, кончившій курсъ въ Артиллерійской академіи. Онъ былъ склоненъ, и до сихъ поръ остался весьма склоннымъ по своей натурѣ къ ученымъ техническимъ изслѣдованіямъ; онъ считался по артиллерійской части однимъ изъ лучшихъ специалистовъ. Князь Гагаринъ человѣкъ идеальной чистоты...

Передъ самымъ назначеніемъ Гагарина, вечеромъ былъ у меня Сипягинъ. Я сказала ему, что имѣю въ виду просить Государя о назначеніи директоромъ Политехническаго Института кн. Гагарина и спросила Сипягина, каково онъ мнѣнія о кн. Гагаринѣ.

Сипягинъ сказалъ мнѣ, что Гагарина онъ знаетъ близко, знаетъ его съ самаго дѣтства и про него ничего, кромѣ самаго прекраснаго, сказать не можетъ. Одно только, — это, что по натурѣ кн. Гагаринъ собственно «блаженный», и поэтому, — сказала мнѣ Сипягинъ, — онъ боится, чтобы это качество князя не повредило ему.

Князь Гагаринъ былъ утвержденъ Его Величествомъ въ должности директора Политехническаго Института съ полной охотой. Онъ дѣйствительно былъ прекраснымъ директоромъ и пользовался всеобщимъ уваженіемъ, какъ среди профессоровъ, несмотря на то, что эти профессора имьютъ всевозможные ученые цезы и гораздо старше князя Гагарина, такъ и среди студентовъ...

Кромѣ С.-Петербургскаго Политехническаго Института, въ то время, когда я была министромъ финан-

совъ, приблизительно по тому же принципу, мнѣ удалось основать еще два политехнических института: одинъ въ Варшавѣ, а другой въ Кіевѣ.

Для преодоленія оппозиціи среди членовъ Государственнаго Совѣта, недоброжелательно относившихся къ созданію новаго высшаго учебнаго заведенія, которое могло превратиться въ новый очагъ революціоннаго движенія, Витте предложилъ построить Институтъ въѣ города, а при Институтѣ открыть студенческое общежитіе. Отдаленность Института отъ города должна была предохранить студентовъ отъ вліянія революціонныхъ кружковъ въ Петербургѣ, а нахождение студентовъ въ общежитіи позволило бы имѣть надъ ними извѣстный политическій надзоръ.

Въ такомъ видѣ Государственный Совѣтъ принялъ уставъ Института, и онъ былъ официально открытъ 2-го октября 1902 г. въ составѣ четырехъ отдѣленій: экономическаго, металлургическаго съ электрохимическимъ подотдѣломъ, электромеханическаго и кораблестроительнаго. Институтъ находился въ вѣдѣніи Министерства Финансовъ (съ 1907 г. — Мин-ва Торговли и Промышленности).

Ученый планъ Института былъ разработанъ особой комиссіей подъ предсѣдательствомъ генерала Н. П. Петрова и при участіи профессоровъ Посникова, Менделѣева, Меншуткина, Кирпичева и директора кн. Гагарина.

Подборъ преподавательскаго состава былъ порученъ В. И. Ковалевскому.

Деканами отдѣленій были назначены: А. С. Посниковъ — экономическаго, Н. А. Меншуткинъ — металлургическаго, М. А. Шателенъ — электромеханическаго и К. П. Боклевскій — кораблестроительнаго.

Первый приемъ былъ ограниченъ 277 студентами, изъ которыхъ половина была принята на экономическое отдѣленіе. Въ 1903 г. было принято 299 студентовъ, въ 1904 г. — 330, въ 1905 г. — 346 и въ 1906 г. — 520. Съ 1907 г. число поступающихъ было

увеличено до 1.295 человекъ и затѣмъ до революціи число это почти не подвергалось измѣненію.

Съ самаго начала своего существованія Институтъ пользовался такой свободой въ области своей внутренней жизни и преподаванія, какой не имѣли другія высшія учебныя заведенія въ Россіи.

Такая фактическая автономія Института была тѣсно связана съ личностью его перваго директора, князя Гагарина.

Выбравъ кн. Гагарина на постъ директора, Витте такъ рекомендовалъ его профессорамъ Института: «Это будетъ самый лучший для васъ человекъ. Вы будете абсолютно свободны, у него громадныя связи и онъ используетъ ихъ для васъ» (изъ рѣчи проф. В. Б. Ельяшевича, 2/15.10.1927 г.).

Директору Института по уставу предоставлена была большая власть, но кн. Гагаринъ никогда не давалъ профессорамъ и студентамъ ее чувствовать. Когда, въ возбужденной политической атмосферѣ 1904-1907 г.г., начались серьезные нелады съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, когда изъэлектризованное революціоннымъ возбужденіемъ студенчество иногда выносило на сходкахъ весьма рискованныя политическія резолюціи, кн. Гагаринъ мягко, сердечно, по-отечески, уговаривалъ студентовъ успокоиться и всѣми силами старался смягчить въ высшихъ правительственныхъ сферахъ раздраженіе противъ Института.

Кн. Гагаринъ былъ чрезвычайно простъ и сердеченъ въ своихъ сношеніяхъ со студентами. Доступъ въ его кабинетъ или на частную квартиру былъ всегда открытъ, и многіе студенты пользовались его помощью и покровительствомъ. Благодаря, главнымъ образомъ, кн. Гагарину въ Институтѣ не существовало тѣхъ официальныхъ бюрократическихъ отношеній, которыя были обычны въ большинствѣ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Примѣру кн. Гагарина слѣдовали преподавательскій составъ, и наблюдавшаяся вначалѣ склонность

у некоторых профессоров усвоить начальствующий тон по отношению к студентам была парализована личным примером кн. Гагарина.

В каждом высшем учебном заведении имеются свои порядки и традиции, которые вырабатывались годами совместной работы и жизни студентов и профессоров. Политехнический Институт должен был выработать свои собственные традиции, и эти традиции сложились под влиянием светлой личности князя Гагарина и при дружественном сотрудничестве профессуры и студенчества.

Если профессора не чувствовали давления на них ни со стороны министерства, ни со стороны назначенного свыше директора, то, в свою очередь, между студентами и профессорами установились такие близкие дружественные отношения, которые вряд ли существовали в каком-либо другом высшем учебном заведении России.

Профессора не ограничивались чтением лекций; главная академическая работа сосредотачивалась в практических занятиях. Эти занятия профессора проводили так интересно и с такою любовью, что студенты усердно и добросовестно их посещали (на экономическом отделении на 77 часов лекций приходилось 27 часов практических занятий).

Совместная и, первое время, обязательная жизнь в общежитиях сильно сплотила студенчество. Словный, общественный и национальный состав студентов был довольно пестрый, но с первых же лет жизни между студентами установились отношения, основанные на взаимном уважении и принципе равенства. Мало по малу выработался какой-то неписанный кодекс поведения и чести студентов-политтехников.

Несмотря на то, что бурная политическая жизнь в стране вызывала живой отклик среди студентов, многочисленные ссоры, на которых совершенно свободно обсуждались все главные политические пробле-

мы дня, проходили в образцовом порядке, которому мог бы позавидовать иной европейский парламент.

Надзор над жизнью студентов, в лицей профессора — завлудующего студентами, был чисто формальным и не вызывал конфликтов.

Все возникавшие недоразумения или трения обсуждались и благополучно разрешались в дружественно-семейной беседе с этим «начальником» над студентами, который, в соответствии с общим, установившимся в Институте, духом, всегда умел успокоить студентов и найти компромиссное решение.

К сожалению, подпольная революционная организация безцеремонно пользовалась гостеприимством и свободой жизни в общежитиях, и тем самым привели к тому, что в 1907 г. общежития были закрыты, а Правление Института и кн. Гагарин были отданы под суд.

Закрытие общежитий, конечно, было тяжелым ударом по установившемуся среди студентов корпоративному началу, но, так как традиции жизни и работы среди студентов и профессоров были уже к тому времени выработаны, то корпоративный дух Института продолжал существовать и дожить до октябрьской революции.

Проф. Г. А. Люсть, в статье, напечатанной в журнале «Товарищ» (15 октября 1927 г.), по поводу 25-летнего юбилея Института, в следующих строках отметил эту основную черту характера внутренней жизни Института:

«Внутренняя структура, созданная в Институте с его основания и подбор работников способствовали установлению нормальных, деловых отношений, как в преподавательской среде, так и между преподавателями и студенческой массой. Отсутствие формализма и мертвого бюрократизма, господствовавших в то время в большинстве старых ВУЗ'ов, обеспечивали более продуктивную работу Политехнического Института».

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОТДѢЛЕНИЕ ВЪ 1912 ГОДУ (10-лѣтіе Института)

Въ центрѣ нижняго ряда деканъ — А. Г. Гусаковъ; вправо отъ него: профессора: В. Э. Денъ, М. И. Фридманъ, В. Б. Ельяшевичъ, П. Б. Струве, В. М. Гессенъ и В. Р. Идельсонъ; влѣво отъ А. Г. Гусакова: проф. А. А. Чупровъ, преподаватели: Гредескулъ, Марейнесъ, ХХ., Твердохлѣбовъ

Изъ юбилейныхъ статей журнала «Товарищъ» мы усматриваемъ, что корпоративныя традиции Института пережили даже октябрьскую революцію.

Институтъ началъ въ 1902 году свою дѣятельность въ составѣ четырехъ вышеперечисленныхъ отдѣленій.

Во главѣ **Экономическаго отдѣленія** (самаго многочисленнаго) стоялъ А. С. Посниковъ, по характеристикѣ проф. Ельщевича: «темпераментный, острый на языкъ человекъ, долгодѣйный редакторъ «Русскихъ Вѣдомостей» и бывший урядникъ предводитель дворянства». Посниковъ читалъ общій курсъ политической экономіи и былъ убѣжденнымъ сторонникомъ либеральной классической школы, а поэтому идейнымъ противникомъ марксизма. Какъ правило, только тѣ студенты могли успѣшно выдержать у него экзаменъ, которые основательно усвоили теорію Адама Смита и Рикардо.

Несмотря на то, что Посниковъ былъ по своему характеру властнымъ человекомъ, порой даже суровымъ, онъ съ уваженіемъ относился къ мнѣнію своихъ идейныхъ противниковъ, а благодаря своему природному такту и доброжелательному отношенію къ студентамъ, онъ завоевалъ въ студенческой средѣ, его нѣсколько побиравшейся, не только уваженіе, но и извѣстную любовь.

Помню, когда Институтъ былъ закрытъ послѣ событій 9 января 1905 г., я зашелъ къ Посникову, чтобы попросить у него нужную мнѣ книгу. Посниковъ встрѣтилъ меня съ выраженіемъ радостнаго удивленія на лицѣ: «Какъ, вы все еще изучаете экономическія проблемы? А я думалъ, что студенты ушли въ революціонную работу». А затѣмъ онъ вдругъ повысилъ голосъ и началъ гнѣвно поносить студенческую забастовку. Изливъ свою душу, онъ сразу перешелъ на отечески дружественный тонъ: «Вы думаете, мнѣ легко смѣряться, какъ гибнетъ нашъ Институтъ? Вѣдь многіе студенты никогда не вернутся сюда, а другіе теряютъ драгоценное время». И на глазахъ суроваго декана

показались слезы... Такъ онъ любилъ «своихъ» студентовъ и печалился объ ихъ участи.

Посниковъ привлекъ въ Экономическое отдѣленіе не только старыхъ и заслуженныхъ профессоровъ, какъ И. И. Иванюкова, Н. И. Карѣва, А. Г. Гусакова и др., но также группу молодыхъ одаренныхъ доцентовъ: А. А. Чупрова, М. В. Бернацкаго, В. Б. Ельщевича, Вл. М. Гессена, М. И. Фридмана и др.

Александръ Александровичъ Чупровъ былъ не только выдающимся ученымъ статистикомъ, завоевавшимъ себѣ мировое имя въ области математической статистики, но онъ одновременно былъ необыкновенно одареннымъ лекторомъ. Его лекціи, несмотря на строго научный характеръ, были оживлены блестящими вспышками остроумія. Съ такимъ же талантомъ онъ проводилъ практическія занятія, на которыхъ онъ вводилъ студентовъ въ область прикладной статистики.

Михаилъ Владиміровичъ Бернацкій былъ очень популяренъ среди студентовъ. Онъ читалъ курсъ денежнаго обращенія, интересную, но одновременно и сухую, экономическую дисциплину. На этихъ лекціяхъ Бернацкій не могъ развить во всемъ блескѣ своего лекторскаго таланта, но когда онъ приступилъ къ чтенію вечернихъ лекцій по исторіи экономической науки, то на эти лекціи сходились студенты буквально всѣхъ отдѣленій. Если его дѣятельность въ качествѣ министра финансовъ Временнаго правительства, а затѣмъ у Деникина и Врангеля, несомненно оцѣнивается современниками, то никто не можетъ отрицать, что онъ заслужилъ въ этой тяжелой и неблагоприятной работѣ имя кристально чистаго человека.

Василій Борисовичъ Ельщевичъ, читавшій курсъ гражданскаго права, привлекъ на свои лекціи и практическія занятія большое количество студентовъ своимъ изумительно тонкимъ юридическимъ анализомъ. Многія его лекціи были творчествомъ ювелира-юриста. Уже въ Парижѣ, въ преклонномъ возрастѣ, Василій Борисовичъ издалъ капитальный трудъ по Исторіи права

поземельной собственности в России. Этот труд является не только выдающимся исследованием в области юриспруденции, но также и в области изучения экономической истории России. *)

Владимир Эдуардович Денъ, читавший курс экономической географии, умел внушить студентам и развить в них чувство особо бережного отношения к статистическим данным. Он предостерегал студентов от слишком поспышных и недостаточно проверенных обобщений в области экономической статистики. В 1908 г. он напечатал Курс по экономической географии. Напечатал его, по совету издателя, всего лишь в 800 экземплярах. В 1925 г. этот Курс был переиздан в СССР в количестве 15.000 экземпляров, и через год все издание было продано.

По инициативе В. Э. Дена и деятельным сотрудничеством П. Б. Струве, стали печататься труды студентов Экономического отделения. В свое время русская печать отменила высокий научный уровень этих трудов наших молодых экономистов.

Денъ был одним из сравнительно немногих профессоров Отделения, оставшихся на своем посту после октябрьского переворота. В 1925 г. он приехал в Лондон, где я с ним неоднократно встречался. Он тогда надеялся (это был период НЭП-а) на восстановление преподавательского состава Экономического отделения и вел по этому поводу переговоры со своими коллегами, находившимися за границей. Однако он возвратился в Россию один. Скоро после его смерти Экономическое отделение подверглось разгрому.

Через несколько лет после основания Института в состав его профессуры вошел крупнейший рус-

*) Василий Борисович, пользующийся особым уважением всех связанных с Институтом, состоит уже долгое годы бессмысленным Председателем Объединения СПБ. Политехнического Института во Франции.

Прим. Ред.

ский ученый экономист, Петр Бернгардович Струве. Трудно было встретить более одаренного и более разносторонне образованного человека, чем Струве. По какому бы вопросу студенты к нему ни обращались, он всегда давал им ценный совет или справку. В обращении со студентами он никогда не позволял себе проявлять свое превосходство; напротив, он терпеливо выслушивал мнение каждого студента, хотя бы оно было мало серьезно. Студенты чувствовали в нем руководителя, который не стремился навязать им свое мнение или теорию, а, напротив, помогать им идти своим путем. Он создал вокруг себя не только научный кружок, но и целую экономическую школу. Может быть, никто из профессоров не посвящал столько времени на работу со студентами, как Струве. Его практические занятия были лабораторией, где вырабатывалось понимание экономических явлений человеческой жизни. И студенты ценили и горячо его любили. Когда, в 1925 г., исполнилось 35-летие научно-политической деятельности Струве, его учениками и поклонниками был издан сборник статей, посвященных этому блестящему ученому и публицисту.

Впоследствии в состав профессуры Института вошли такие крупные ученые, как М. М. Ковалевский, М. И. Тугань-Барановский, Ю. С. Гамбаров и др. Благодаря такому исключительному подбору экономистов и юристов, Экономическое отделение давало студентам блестящую подготовку, как для их практической деятельности, так и для чисто научной карьеры.

Студентам первых выпусков из Института (в 1907-1908 г. г.) было не так легко устраиваться на работу, так как в министерствах и в частных предприятиях довольно осторожно и критически относились к новым, научно подготовленным, экономистам. Но постепенно окончившие Экономическое отделение завоевали такую лестную для себя репутацию, что последующие кадры окончивших Институт легко находили для себя работу или службу.

Многие экономисты быстро поднялись по ступеням государственной и частной службы.

После Октябрьской революции, особенно в период НЭПа, многие воспитанники Экономического отделения заняли видные посты в советском государственном и хозяйственном аппарате. Так, напр., восстановление системы денежного обращения, совершенно разрушенной во время революции, было проведено при ближайшем участии Л. Н. Юрковского (первого приема). Одним из выдающихся советских экономистов был Струмилин, впоследствии ликвидированный. Коган-Берштейн, А. М. Смирнов и другие экономисты заняли крупные посты в области финансов, промышленности и путей сообщения. В качестве профессоров и преподавателей в Институте работали до 1927 года А. Б. Бенедиктов, А. О. Зайцев, А. Д. Бретерман, Г. А. Мебус, М. Б. Вольф и А. В. Векраш.

Как мне говорил покойный проф. Денз: «В какой комиссариат или управление я ни зашел бы, всюду я встречал наших политтехников, и всюду они мне оказывали полное содействие».

Повидимому экономисты-политехники, за весьма редким исключением, не занимали крупных партийных постов. Как будто только Мелотов, учившийся в Институте под своей настоящей фамилией Скрябина, нарушил это духовное единство политехников.

Работы технических отделений Института я коснусь лишь в самых кратких чертах, оставляя на долю воспитанников этих отделений более подробное описание профессорского состава и работы студентов.

Деканом **Металлургического отделения** был назначен известный химик проф. Н. А. Меншуткин, выдающийся авторитет по аналитической химии, опытный педагог и ученый с мировым именем. Директором-сотрудником проф. Меншуткина был проф. Курнаков.

Преподавателями отделения были: сын Меншутки-

на, Жемчужный, Пушкин, Вл. Кистяковский, Грум-Гржимайло, М. А. Павлов, Верещагин и др.

На этом отделении впервые в России была проведена специализация преподавания цикла горнозаводских наук: горное искусство было отделено от металлургического. Окончившие это отделение инженеры были первыми по времени «инженерами-металлургами».

Металлургическое отделение дало инженеров не только для промышленности, но также и для развития научных вопросов в области металлургии. В 1927 г. в СССР насчитывалось до 12 профессоров высших учебных заведений, окончивших это отделение, а число преподавателей было значительно больше.

Во главе **Электромеханического отделения** был поставлен в 1902 г. проф. М. А. Шателен, талантливый педагог и прекрасный организатор. Преподавательский состав включал: проф. В. Ф. Миткевича, В. В. Скобелыца, Андреевского, Н. Н. Саввина, Усатого, Люста, Фридберга, проф. Ломшакова, Носача, Варенова, Есьмана, Владимирова, Ульмана, Аршаулова, Мещерского и др.

В 1927 г. деканом отделения был проф. А. Б. Лебедев.

По идее основателей Института, **Электромеханическое отделение** предназначалось для подготовки специалистов электротехников высокой квалификации.

Инженеры электротехники выдвинулись своими знаниями и заняли крупные посты в промышленности. Среди них также набирались научные специалисты в области теплотехники, гидротехники и физики (в 1927 году насчитывалось в СССР 19 профессоров и 57 преподавателей из числа окончивших это отделение).

Число студентов на этом отделении непрерывно возрастало и в 1927 г. достигло 1.274 чел.

Кораблестроительное отделение было организовано для подготовки научно-образованных инженеров по коммерческому судостроению (постройка корпусов, судов и всех судовых механизмов).

Первым деканом Кораблестроительного отделения был проф. К. П. Боклевский. В преподавательский состав вошли: проф. Бубнов, Фан дер Флит, Адамов, И. В. Мещерский, Николай, Рерих, Брандт, Пио-Ульский, Воскресенский, Лукин и др.

До Октябрьской революции окончил отделение 148 морских инженеров; из них около 90 человек были заняты в разных отраслях военного судостроения, а остальные работали в области обслуживания морского и речного коммерческого флота.

В 1909 г. при отделении были открыты Курсы воздухоплавания. Во время войны эти курсы и их оборудование были полностью использованы для подготовки летчиков и авиационных мотористов (было выпущено свыше 1.200 человек).

В 1907 г. было открыто Механическое отделение, деканом которого был назначен проф. Носоч, а затем, после его скорой кончины, проф. И. И. Иванов. В 1917-1919 гг. занятия на этом отделении почти прекратились и возобновились лишь в 1920 г. В последующие годы деканами были: проф. М. В. Кирпичев, Д. Н. Дьяков и В. Л. Гофман.

В 1927 г. было торжественно юбилейно отмечено 25-летнее существование Института. Среди старых профессоров и преподавателей продолжали свою деятельность 17 человек: Шателен, Курнаков, Левинсон-Лессинг, Скобельцын, Мещерский, Иванов, Боклевский, Гусаков, Меншуткин, Нагорный, Миткевич, Усатый, Филиппов, Жемчужный, Монастырский, Кистяковский и Цейфль.

По данным журнала «Товарищ» в 1927 году Институт состоял из 9 факультетов, обладал 79 лабораториями и кабинетами, имел библиотеку свыше 200.000 томов, электрическую станцию, газовый завод, водопровод, биологическую станцию и т. д., а также общежитие для 2.500 студентов.

Общее количество студентов в 1927 г. было 7.192 и 502 профессоров и преподавателей.

За все свое 25-летнее существование Институт выпустил 4.071 чел., из них окончили:

Экономическое отделение	1.407
Кораблестроительное	255
Металлургическое	560
Электромеханическое	758
Механическое	535
Инженерно-строительное	411
Химическое	96
Физико-механическое	32
Индустриально-земледельческое	17

Всего: 4.071

Интересно здесь отметить, что процент окончивших Институт был весьма высоким по первым пяти приемам (до 65%), но затем стал сильно падать. После Октябрьской революции число окончивших Институт катастрофически пало, что объясняется не только низким уровнем образования студентов, но также и тяжелыми условиями материальной жизни.

Революция изменила и социальный состав студентов. Декан Экономического отделения в 1927 г., Я. Берзтыс, подсчитал, что в дореволюционное время 33% студентов-экономистов принадлежали к дворянскому сословию и «крупно-буржуазному» классу населения. С 1923 г. стали набирать студентов из крестьян и рабочих, и большинство их состояли членами партии и комсомола.

**

У нас нет данных о деятельности Института после 1927 года, но известно, что он не только существует, но и значительно расширился.

По всей вероятности, в настоящее время он является самым крупным высшим техническим заведением в СССР.

Однако, Экономическій факультетъ былъ выдѣленъ изъ Института, и послѣдній превратился въ чисто техническое высшее учебное заведеніе.

Такимъ образомъ, Институтъ пережилъ не только октябрьскую революцію, но и тяжелые и тревожные годы первыхъ пятилѣтокъ. Повидимому, зданіе Института не особенно пострадало во время осады Ленинграда въ 1941-43 г.г.

Роль Института въ развитіи всего народнаго хозяйства дореволюціонной и пореволюціонной Россіи огромна. Безъ сомнѣнія, Институтъ отпразднуетъ 50-лѣтіе своего существованія, и тогда, по всей вѣроятности, будутъ опубликованы данныя о его дѣятельности за второе двадцатипятилѣтіе.

Смѣлая и энергичная финансовая и экономическая политика С. Ю. Витте дала сильный толчокъ всему хозяйственному развитію Россіи. Учрежденіемъ Петербургскаго и двухъ другихъ политехническихъ институтовъ Витте далъ Россіи многотысячные кадры научно-образованныхъ экономистовъ и инженеровъ-специалистовъ. Въ свою очередь, воспитанники Института своимъ трудомъ и знаніями содѣйствовали расцвѣту народнаго хозяйства Россіи и тѣмъ самымъ оправдали надежды, возложенныя на нихъ основателями Института и тѣ расходы, которые государство несло по устройству и содержанію Института.

Такъ грустно, что 50-лѣтній юбилей Института приходится отпраздновать не въ великолѣпномъ бѣломъ актовомъ залѣ, а на чужбинѣ. Но, будемъ надеяться, что черныя грозовыя тучи, нависшія надъ Европой и Россіей, разсѣются и, можетъ быть, нѣкоторыя изъ насъ увидятъ прекрасное зданіе Института и передадутъ ему привѣтъ отъ всѣхъ тѣхъ изъ насъ, кому не улыбнется это счастье.

Б. П. Кадомцевъ

ГРАФЪ С. Ю. ВИТТЕ и С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ

По настоянію нашего уважаемаго коллеги, профессора М. М. Филоненко, нынѣ блестящаго юриста, а въ прошломъ корабельнаго инженера и политическаго дѣятеля, Редакція помѣстила присланную ей статью безо всякихъ измѣненій и не несетъ, поэтому, какой бы то ни было отвѣтственности ни за высказанныя въ ней мысли, ни за ея изложеніе.

Прошло 50 лѣтъ со времени основанія Политехническаго Института.

49 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я, — юноша 18-лѣтняго возраста, — перешагнулъ порогъ бѣлаго дома въ Лѣсномъ.

Много лѣтъ прошло; что еще важнѣе, великія потрясенія совершились... Удастся ли мнѣ черезъ эту двойную пелену увидѣть ясно минувшее, такъ, чтобы имѣть возможность написать нѣсколько правдивыхъ страницъ не перомъ историка, а современника тѣхъ причинъ, тѣхъ настроеній, тѣхъ возможностей, которыя были и не осуществились? По желанію старыхъ товарищей, я дѣлаю эту попытку. Пусть, однако, тѣ, кто теперь или послѣ прочтутъ эти строки, примутъ во вниманіе, что пишу ихъ въ другой странѣ, послѣ долгаго отрѣза жизни, проведеннаго за русскимъ рубежомъ, посвященнаго въ силу неожиданнаго и страннаго хода вещей дѣятельности, ничего общаго не имѣющей съ тѣмъ, чему я учился въ Институтѣ, — я, мор-